

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 84–93.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 84–93.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 321.011(470+571):330.341:62

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/84-93>

Концептуальные признаки технологического суверенитета в государственной политике и академической практике

Татьяна Васильевна Мордовцева^{1,2}✉

¹Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация

²Владивостокский государственный университет, Владивосток,

Российская Федерация

✉ mtvtaganrog@mail.ru

Аннотация. В статье представлен концептуально-теоретический анализ технологической суверенизации российского государства. В содержании работы рассматриваются основные академические дискурсы в интерпретации и обосновании сущности, значения и роли технологического суверенитета в современную эпоху развития общества. Отдельно обсуждается правовая политика различных государств и ее ключевые приоритеты в сфере обеспечения технологического суверенитета, а также анализируются доктринально-правовые и законодательные основы обеспечения технологической суверенизации российского общества в период политики санкционного давления и меняющейся геополитической реальности.

Ключевые слова: академическая политика, национальная безопасность, национальное законодательство, политика государства, технологический суверенитет, цивилизация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0007.

Для цитирования: Мордовцева Т.В. Концептуальные признаки технологического суверенитета в государственной политике и академической практике // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 84–93.

Original article

Conceptual signs of technological sovereignty in public policy and academic practice

Tatiana V. Mordovtseva^{1,2}✉

¹Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

²Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

✉ mtvtaganrog@mail.ru

Abstract. The article presents a conceptual and theoretical analysis of the technological sovereignty of the Russian state. The work examines the main academic discourses in the interpretation and justification of the essence, meaning and role of technological sovereignty in the modern era of society development. The legal policy of various states and its key priorities in the field of ensuring technological sovereignty are discussed separately, as well as the doctrinal, legal and legislative foundations for ensuring technological sovereignty of Russian society during the period of sanctions pressure and changing geopolitical reality are analyzed.

Keywords: academic policy, national security, national legislation, state policy, technological sovereignty, civilization

Funding: The study was carried out with the financial support of the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2023-0007.

For citation: Mordovtseva T.V. Conceptual signs of technological sovereignty in public policy and academic practice. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 84–93. (In Russ.).

Понятие технологического суверенитета и его многочисленные коннотации свидетельствуют о ведущих трендах мировой системы, которая не остановилась на модели глобального устройства, а постепенно переходит к форме вариативной поляризации независимых мировых центров. Анализ имеющихся подходов к пониманию технологической суверенизации и ее концептуальных решений обнаруживает связь политики суверенизации с типом общественных связей и отношений, сложившихся в конкретных геополитических условиях. Если США и Китай не нуждаются в обеспечении технологической суверенизации, то в странах Европейского союза такая проблема является весьма актуальной в связи с утратой конкурентных преимуществ в жизненно важных сферах экономики отдельных стран и регионов, особенно в цифровой сфере и технологиях искусственного интеллекта, то есть там, куда направлен актуальный вектор развития мировой цивилизации [1].

Одним из первых, кто столкнулся с угрозой технологической асимметрии и был Европейский союз, испытывающий на себе риск превращения в рынок сбыта и утрату глобальной конкурентоспособности своих цифровых продуктов, попадание под внешнюю зависимость контролируемых технологических корпораций. Это обуславливает необходимость разделения понятий «технологического» и «цифрового» суверенитета. Именно последний олицетворяет собой право действовать независимо в цифровом мире. Что же касается технологического суверенитета, то он связан с противодействием порядку «капитализма наблюдения» [2] или «платформенному капитализму» [3].

Претензии Евросоюза к стратегической автономии направлены в сторону цифровых гигантов, прежде всего США, превративших цифровые инфраструктуры в технологию манипуляции и давления властью распоряжаться массивом больших данных. В настоящее время ЕС пытается отстоять право третьего лидера (после США и Китая) в цифровой и технологической трансформации путем создания собственного единого рынка через внедрение своих стандартов конфиденциальности данных. В этой связи технологическая и цифровая суверенизации рассматриваются исследователями [4] как неотъемлемые и взаимосвязанные элементы одной системы, направленной в сторону развития собственной технологической инфраструктуры, не зависимой от иностранных государств, установившихся мировых режимов власти и коллективного интеллектуального капитала.

Технологическая суверенизация осознается и как ответ на естественный ход глобального геополитического доминирования отдельных экономических систем: при сложившейся специализации и разделении организационных форм хозяйственной деятельности в мире суверенизация и автономия экономик отдельных стран оказывается практически невозможной. Поэтому государства, претендующие на технологическое лидерство в будущем, в настоящее время ставят задачу сохранить свою способность действовать стратегически в использовании имеющихся у них конкурентных преимуществ [5].

По отношению к существующим моделям технологической суверенизации вряд ли применима концепция технологической автаркии, которая невозможна в силу локализации производств как формы хозяйствования, более устойчивой к кризисам. Именно глобальная специализация и разделение труда, способствующие повышению эффективности производства, ставят экономики отдельных стран перед необходимостью искать способы кооперации высоких технологических продуктов со стороны, когда собственных ресурсов не хватает либо они вовсе отсутствуют.

С точки зрения академического знания понятие технологического суверенитета не имеет однозначного толкования. В обиходе экономической теории это понятие было известно с 70-х годов. XX века, а широкую популярность в зарубежной литературе оно приобрело с началом 2000-х. В России технологический суверенитет как

политику государства, направленную на преодоление экономических кризисов и геополитических угроз, стали концептуально и нормативно разрабатывать в период нарастания санкционного давления, и особенно после февраля 2022 года, когда этот термин попал в повестку дня законов и правительственных документов.

Экспликация терминологической семантики «суверенитета» применительно к передовым и так называемым «критическим», жизненно важным технологиям неоднократно проводилась российскими исследователями [6, с. 90], отмечавшими общие и отличительные смыслы ее трактовок, в том числе предлагавшими свое «синтетическое» определение, в частности «технологический суверенитет - это достигнутая степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающая такое влияние на технологический процесс стран-партнёров международного технологического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями» [6, с. 94].

Обобщая операциональные определения понятия «технологический суверенитет», их можно классифицировать согласно ключевому признаку:

- независимость страны в области науки, техники и технологий, обеспечивающая национальные интересы в техносфере с учетом различных угроз [7];
- свобода национального правительства и экономических агентов в доступе и распоряжении собственными технологиями без риска внешнего вмешательства [8];
- договорное и равноправное сотрудничество регионов и стран при решении собственных технологических задач (С.К. Крикалев, А.Р. Белоусов и др.);
- обеспечение развития научно-технического и промышленного комплексов, создающих собственные технологии и инфраструктуры в критически жизненно важных сферах, достаточные для обеспечения политической независимости страны и ее обороноспособности (А. Лосев);
- разновидность политики государств, находящихся в различных кризисных ситуациях и нуждающихся в «онтологической безопасности», обеспеченной особой идеологией идентичности, формирующей у граждан чувство «преемственности и целостности» истории страны и народа (Л.В. Томина).

Перечисленные подходы в классификации концентрируются в основном вокруг проблемы обеспечения технологической суверенизации, концептуализации мер ее достижения и лишь отдельные из них, например типология Л.В. Томина, способны дать объяснение исходя из социокультурных оснований, исторических и геополитических условий. Поэтому в плане общей концептуализации понятия рассмотрим позицию Л.В. Томина более подробно. Этот исследователь разбирает политику технологического суверенитета на основе трех кейсов – Европейского Союза, Бразилии и Индии. Так, автор считает, что «в последние годы мы наблюдаем пролиферацию новых терминов, размывающих привычные для нас смысловые рамки понятия «суве-

ренитет» («информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «когнитивный суверенитет», «продовольственный суверенитет») [9, с. 22], поэтому он переходит к методологии проблематизации в оценке содержательного анализа разных типов технологической суверенизации.

По мнению Л.В. Томина, политика технологического суверенитета в странах ЕС определяется интеллектуальной традицией рациональности ордолиберализма, в соответствии с которой экономика эффективного государства стремится к установлению и воспроизводству конкурентной среды, что, в свою очередь, должно предотвратить активную концентрацию и монополизацию отдельных экономических отраслей. Как уточняет автор, «в логике данной дискурсивной формации технологический суверенитет не противоречит приверженности политике открытых рынков и не требует пересмотра базовых экономических постулатов. Увеличение роли государства и объема бюджетных расходов в технологической сфере рассматривается как необходимая временная корректировка рыночных процессов в период масштабной трансформации технологического уклада» [9, с. 24]. В рамках данного кейса комбинированной стратегии развития внутреннего рынка и диверсификации импорта, избегающей какой-либо структурной зависимости от «чужих» экономик, подразумевается наличие доступа к технологиям с помощью их производства либо покупки.

Следующим кейсом технологического суверенитета Л.В. Томин анализирует политику Бразилии, которая, с одной стороны, придерживается стратегии догоняющей авторитарной модернизации, а с другой – зависимого развития с учетом исторически обусловленной периферийной модели экономики этой страны. Бразильские теоретики исходили из понимания того, что экономика страны, в принципе, не является самостоятельной, поскольку государства Южной Америки интегрированы в экономику континента, а через нее – в глобальный рынок. Перспективу технологического суверенитета они видят в гибридной форме – прорыва в глобальном лидерстве в металлургической отрасли, авиастроении, в производстве биотоплива за счет поддержки государства, а также повышения международной конкурентоспособности бразильских товаров.

Третий кейс технологического суверенитета такой страны, как Индия, Л.В. Томин определяет в границах национальной идентичности и концепции постколониального развития. Он обращает внимание на то, что в индийском контексте технологическая суверенизация подразумевает преодоление рисков «цифровой колонизации» и угроз, исходящих от IT бизнес-моделей иностранных платформенных компаний. Более точно о бразильском кейсе он пишет: «Экосистемы, созданные ведущими платформенными компаниями, рассматриваются как барьер, воспроизводящий центр-периферийную зависимую модель развития в цифровую эпоху» [9, с. 30].

Индия избрала «третий путь», с одной стороны, она не разделяет американскую IT модель «капитализма платформ», с другой – не признает подходящей для себя

цифровую автократию политико-экономической системы, как в России, КНР. Поэтому технологический суверенитет в Индии, он же – цифровой суверенитет, это политика справедливой конкуренции, поддерживающей внутренний рынок цифровых сервисов без формирования автономного национального интернета.

Обеспечение технологического суверенитета в современной России как приоритетное направление государственной политики власти возникло в связи с измененными геополитическими условиями, в которые попала Россия после многочисленных пакетов санкций, принятых со стороны недружественного мира. Если в 2014 году выход из прогнозируемых угроз экономического кризиса виделся в связи с наращиванием темпов экономики импортозамещения, то уже к 2022 году стало очевидным, что такая позиция может быть временной и недостаточной мерой обеспечения экономической безопасности России. Поэтому на первый план вышла стратегия поиска и обеспечения технологической суверенизации России, которая способна не только служить гарантом ее безопасности в пространстве взаимодействия с другими странами и трансгосударственными объединениями, но и стать фундаментом роста самобытного русского мира как цивилизационной системы в многополярном пространстве других самобытных культур.

Программным документом, определившим стратегии технологической суверенизации, стало Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603¹, в котором перечислялись приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России с последующим ведением их реестра и требований к финансированию. Этот документ уполномочивал ВЭБ.РФ вести реестр указанных проектов в соответствии с порядком, который утверждался Приказом Минэкономразвития России от 30.05.2023 № 361².

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проекта» // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957> (дата обращения 20.12.2023).

²Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 361 «Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ" реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации» // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406943092> (дата обращения 20.12.2023).

Примечательно, что сама государственная корпорация развития – ВЭБ.РФ – была создана еще в 2007 году «в целях содействия в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, повышения качества жизни граждан Российской Федерации и создания условий для устойчивого экономического роста, повышения эффективности инвестиционной деятельности, привлечения частных инвестиций в реализацию проектов на территории Российской Федерации и их защиты и пр.», как следовало из ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"»¹. Первоначально ВЭБ.РФ была ориентирована на партнерство с коммерческими банками, в том числе с привлечением иностранного капитала, но в настоящее время корпорация занимается финансированием масштабных проектов, укрепляющих технологический потенциал государства и повышающих качество жизни наших граждан без участия иностранного капитала.

На сайте ВЭБ.РФ содержится отдельный раздел, посвященный технологической суверенизации, в котором представлен правовой механизм учета всех проектов в России, которые способствуют ее технологической суверенизации и структурной адаптации экономики. В заявленной миссии ВЭБ.РФ есть упоминание о ценностях как системе координат организации. Очевидно, что такая система ценностей выходит за пределы собственно экономической составляющей в деятельности госкорпорации и служит программным маркером в долгосрочной перспективе перехода российского общества к обществу русского мира в сообществе других цивилизаций.

На пленарном заседании Всемирного русского народного собора, который состоялся 28 ноября 2023 года, президент В.В. Путин поставил в один ряд основные задачи государства – «отстаивание собственного суверенитета», «формирование более справедливого мироустройства», «развитие национальной экономики», «сбережение и приумножение народа», характеризующие не только материальный базис государства, но и его духовно-нравственную надстройку как первостепенную цель любых преобразований². Не случайно тема собора в 2023 году была сформулирована, как «Настоящее и будущее русского мира»: такая идея способна обосновать все глубинные изменения, которые происходят на наших глазах.

Соответственно, мы вправе говорить о трансформации общественного сознания, происходящего в непростых условиях ответного позиционирования своей национальной самобытности [10]. Поэтому технологическая суверенизация является не столько исходным, сколько производным следствием измененного мировоззрения, оценки, смыслов нахождения себя как представителя русского мира в сообществе других цивилизационных миров. И в этом также заключается духовная миссия русской православной веры – быть положительным примером для остальных.

¹Федеральный закон от 17 мая 2007 г. N 82-ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» (с изменениями и дополнениями) // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/12153549/> (дата обращения 20.12.2023).

²Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 года // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения 20.12.2023).

В этой связи нельзя стоять на узкой экономической позиции толкования технологического суверенитета как импортозамещения, идущие процессы гораздо глубже, именно об этом и говорит наш президент. Только если Россия изберет свой, не похожий на остальную часть однополярного мира, путь цивилизационного развития, у нее есть все основания быть первой среди равных. Пока же Россия ведет национально-освободительную борьбу за свой суверенитет и справедливость. Следующим шагом должна быть новая модель государства, общества и власти, обеспечивающая полную независимость на принципах самодостаточности и полноты. Как это возможно в геополитических условиях, созданных моделью «открытого» глобального мироустройства?

Заключение

Стратегия технологической суверенизации такой, какой видит ее наш президент, и такой, какой она обеспечит цивилизационное будущее для России, не вписывается в логику глобального мироустройства, созданного вокруг одного доминирующего центра. За четверть века, пока Россия стремительно преодолевала барьеры советского планового строительства, однопартийности, идеологического мракобесия и в это же время превращалась в энергетического донора и бесперебойный поставщик природных запасов для остальной «привилегированной» части мирового порядка, она так и не приобрела статус актора глобального мироустройства. Более того, ее выход из числа «запасных» игроков этой придуманной мировой стратегии обернулся трагедией и беспрецедентным примером манифестации своего права быть на карте мира в тех пределах, которые соответствуют истории титульного народа и нации.

Все это однозначно свидетельствует о политике глобализма и либерализма как пространстве манипуляций с помощью заданных правил для ключевых игроков. Теперь Россия вышла из этой игры, в которой ей никогда не обещали выигрыша. Обретение суверенизации в новых условиях геополитической сингулярности равноправных цивилизаций – это попытка организовать свое поле взаимодействий, на своих правилах, защищающих интересы и гарантирующих успешный результат. Проблема заключается в том, что такого пространства еще нет, оно только возникает на наших глазах, и любая структурно заданная суверенизация очерчивает его координаты. Кто еще войдет в это общее поле? Кто займет место и возьмет на себя роль «участника» на равных условиях с Россией? Ответить на эти фундаментальные вопросы нам предстоит в ближайшее время.

Список источников

1. Кочатков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.

2. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
3. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский Дом ВЭШ, 2020. 128 с.
4. Янковская Е.С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 76–81.
5. Bauer M., Erixon F. Europe's Quest for Technology Sovereignty: Opportunities and Pitfalls. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/251089> (дата обращения 20.12.2023 г.).
6. Приходько И.И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 88–96.
7. Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика предпринимательства и права. 2022. Т. 12, № 3. С. 2377–2394.
8. Ештокин С.В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1301–1314.
9. Томин Л.В. Дискуссии о технологическом суверенитете: анализ концептуальных различий и стратегий обоснования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 1. С. 22–35.
10. Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 21–37.

References

1. Kochatkov A.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. «Tsifrovoy tranzit» publichno-vlastnykh otnoshenii: obshchie i elitarnye kharakteristiki ["Digital Transit" of Public-Power Relations: General and Elite Characteristics]. *Pacific RIM: economics, politics, law*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 109–134. (In Russ.).
2. Zuboff S. Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The Era of surveillance capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: Gaidar Institute Publ. House, 2022. 784 p. (In Russ.).
3. Srnicek N. Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 128 p. (In Russ.).
4. Yankovskaya E.S. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: ponyatie, sushchnost', strategiya i puti ee realizatsii [Technological sovereignty of Russia: concept, essence, strategy, and ways to implement it]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2022, no. 4 (84), pp. 76–81. (In Russ.).

5. Bauer M., Erixon F. Europe's quest for technology sovereignty: opportunities and pitfalls. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/251089>.

6. Prikhodko I.I. Teoreticheskie aspekty kontseptsii tekhnologicheskogo suvereniteta [Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2022, vol. 8 (74), no. 4, pp. 88–96. (In Russ.).

7. Afanasyev A.A. “Tekhnologicheskii suverenitet” kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [“Technological sovereignty” as a scientific category in the system of modern knowledge]. *Ekonomika predprinimatel'stva i prava*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 2377–2394. (In Russ.).

8. Yeshtokin S.V. Skvoznye tekhnologii tsifrovoi ekonomiki kak faktor formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta strany [Cross-cutting technologies of the digital economy as a factor in the formation of the country's technological sovereignty]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 1301–1314. (In Russ.).

9. Tomin L.V. Diskussii o tekhnologicheskome suverenitete: analiz kontseptual'nykh razlichii i strategii obosnovaniya [Discussions on technological sovereignty: Analysis of conceptual differences and justification strategies]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 22–35. (In Russ.).

10. Perevezentsev S.V., Ananyev D.A. Aksiologicheskie osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti: «pravda» i «spravedlivost'» v otechestvennom ideino-politicheskom diskurse [Axiological foundations of Russian statehood: "truth" and "justice" in the domestic ideological and political discourse]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 21–37. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.В. Мордовцева – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор Таганрогского института управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация; научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Российская Федерация, mtvtaganrog@mail.ru

Information about the authors

T.V. Mordovtseva, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation; researcher at the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Studies Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation, mtvtaganrog@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.